

ВЕНЕЦИАНСКАЯ МАСКА

МАРГАРИТА КОРВИН

Маргарита Корвин
Венецианская маска

«Автор»

2025

Корвин М.

Венецианская маска / М. Корвин — «Автор», 2025

Венеция, XVII век. Город карнавалов, интриг и каналов, где правда и ложь носят одинаковые маски. В самом сердце этого блеска и порока творит загадочный живописец Лоренцо Беллини, чей талант принес ему славу среди венецианской знати. Но никто не знает, что за мужским именем скрывается его сестра, Алессия, — гениальная художница, вынужденная прятать свой дар и свою сущность в мире, не готовом принять женщину-творца. Ее кисть точна, а взгляд пронизателен, но все меняется, когда заказчиком нового портрета становится таинственный и властный патриций Марко Веньер. Его глаза видят больше, чем позволено, а его вопросы проникают глубже, чем защитный слой краски на холсте. Каждый сеанс становится опасной игрой, где на карту поставлены не только ее тайна и репутация, но и сердце, которое она так отчаянно пыталась сберечь. В лабиринте узких улочек и темных вод Алессии предстоит решить, какая маска страшнее: та, что она носит, или та, что скрывает истинное лицо любви.

© Корвин М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Холст и тень	5
Взгляд заказчика	10
Прикосновение кисти	15
Цвета страха	20
Брат и его цена	25
Неожиданный жест	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Маргарита Корвин

Венецианская маска

Холст и тень

Последний мазок лег на холст так же тихо, как падает на воду венецианский туман. Кисть в руке Алессии замерла, кончик ее, пропитанный свинцовыми белилами, повис над бликом на холеной щеке сенатора Градениго. Готово. Она отступила на шаг, и ее мужской камзол, грубый и мешковатый, натянулся на плечах. Взгляд художника, холодный и оценивающий, скользнул по полотну. Игра света и тени, кьяроскуро, которому ее учил отец, удалась на славу. Свет, падающий из высокого окна мастерской, выхватывал из полумрака массивный подбородок, самодовольно изогнутые губы и тяжелый, усыпанный перстнями кулак, лежащий на бархате кресла. А в тени оставалось все остальное: пустота в глазах, подрагивающая жилка на виске, страх старения, который Алессия уловила в первую же минуту их знакомства и заботливо спрятала в глубине зрачков на портрете. Сенатор увидит лишь свое величие. Только она, художник, знала, сколько трусости и лжи укрыто под слоями лака и лести.

Мастерская пахла ее миром: терпкий дух льняного масла, скипидара и древесного угля смешивался с сырым запахом канала, что лениво плескался под самыми окнами. Здесь, среди мольбертов, натянутых холстов и банок с растертыми пигментами, она была не Алессией Беллини, дочерью разорившегося живописца, а маэстро Лоренцо Беллини, восходящей звездой венецианской живописи. Имя брата стало ее лучшей маской, прочнее и надежнее любой карнавальной.

«Превосходно, маэстро, превосходно!» – пророкотал сенатор, поднимаясь с кресла. Его голос был таким же маслянистым, как краски на ее палитре. «Вы ухватили самую суть моей натуры. Сила. Власть. Ответственность».

Алессия едва заметно склонила голову, пряча усмешку. Она ухватила суть его кошелька, не более. «Вы были превосходным натурщиком, ваша светлость. Терпеливым и полным достоинства». Ложь давалась ей так же легко, как точный мазок. Ее голос, от природы невысокий, она научилась делать чуть более грубым, отрывистым.

Сенатор удовлетворенно хмыкнул, бросив на стол мешочек с монетами, звякнувший приглушенно и весоמו. Он прошелся по мастерской, заложив руки за спину, снисходительно оглядывая эскизы на стенах. Его взгляд был взглядом покупателя на невольничьем рынке. «Талант, несомненно, у вас есть, Беллини. Главное – не возгордитесь. Венеция не любит гордецов. Она любит тех, кто знает свое место».

Слова повисли в воздухе, густые и липкие, как смола. Алессия почувствовала, как под грубой тканью рубашки и тугой повязкой, утягивающей грудь, по спине пробежал холодок. Он говорил не о ней, не о Лоренцо. Он говорил о себе и о таких, как он. О тех, кто владел этим городом, пронизанным каналами, словно венами, по которым текла не вода, а золото и интриги.

Когда тяжелая дверь за сенатором наконец закрылась, Алессия несколько мгновений стояла неподвижно, прислушиваясь к удаляющимся шагам. А потом медленно, с наслаждением выдохнула. Она подошла к окну и распахнула его настежь. В мастерскую ворвался влажный воздух, принес с собой крики торговцев с соседней улочки и далекий звон церковного колокола. Она стянула с головы темный парик, и густые каштановые волосы волной упали ей на плечи. Затем, расстегнув камзол и рубашку, она развязала ленты тугой повязки. Глубокий, болезненно-сладкий вдох наполнил легкие. Свобода. Хрупкая, временная, украденная у мира свобода.

Она провела пальцами по своему отражению в тусклом, покрытом пятнами зеркале. Из полумрака на нее смотрела бледная девушка с огромными глазами цвета горького шоколада и упрямой линией рта. Взгляд был усталый, но не сломленный. Взгляд художника, привыкшего видеть больше, чем показывают. Иногда ей казалось, что Лоренцо, ее брат-близнец, украл не только ее имя, но и ее жизнь, оставив ей лишь этот сумрачный мир холстов и теней. Но потом она брала в руки кисть, и горечь отступала. Кисть не лгала. Холст принимал ее такой, какая она есть.

Она пересчитала монеты. Хватит, чтобы заплатить за аренду, купить новых пигментов у старика Маттео и отдать часть долга Лоренцо. Вечный долг Лоренцо. Он был лицом и голосом их предприятия, обаятельный повеса, умеющий заводить нужные знакомства в тавернах и на приемах, куда ей, женщине, вход был заказан. А она была руками и глазами. Неравный союз, скрепленный отчаянием и общей кровью.

Дверь распахнулась без стука, с грохотом ударившись о стену. На пороге стоял он, ее второе «я», ее проклятие и спасение. Лоренцо Беллини, настоящий. Он был похож на нее, как отражение в кривом зеркале – те же черты, но смягченные вином и праздностью. В его глазах не было ее сосредоточенной глубины, лишь веселое, беспокойное пламя. Он был одет с показной элегантностью: кружевные манжеты, хоть и несвежие, камзол изрядно потертого, но все еще яркого синего бархата. В руке он сжимал тяжелый кожаный кошель.

«Алессия! Сестра! Боги сегодня улыбаются нам!» – он пересек мастерскую в два шага и бросил кошель на стол. Золотые дукаты высыпались из него с тяжелым, сытым звоном, покатившись по деревянной поверхности. Их было так много, что у Алессии перехватило дыхание. Это была не плата за портрет. Это было целое состояние.

Она поспешно накинула мужской халат, инстинктивно запахиваясь, словно его взгляд мог выдать ее тайну даже ему, ее соучастнику. «Лоренцо, что это? Ты снова играл? Ты ограбил кого-то?»

Он рассмеялся, откидывая со лба светлую прядь. «Лучше, сестра! Гораздо лучше! Это аванс».

Алессия нахмурилась, подбирая одну из монет. Тяжелая, холодная, с отчеканенным профилем дожа. «Аванс? За что? За портрет Папы Римского?»

«Почти, – глаза Лоренцо блестели азартом. – Заказчик... о, ты не поверишь! Это не просто какой-то толстосумный торговец или престарелый сенатор. Это Марко Веньер».

Имя упало в тишину мастерской, как камень в темную воду канала. Веньер. Одна из старейших и могущественнейших семей Венеции, чья история была вплетена в самую ткань Республики. Семья, о которой шептались, которую боялись. Они не выставляли свое богатство напоказ, как нувориши, но все знали, что их влияние простирается от Дворца дождей до самых темных закоулков Арсенала. А сам Марко Веньер был фигурой почти мифической. Его редко видели в свете, он не устраивал пышных приемов, но говорили, что ни одно важное решение в Совете Десяти не принималось без его незримого участия. Он был тенью за тронем, настоящей властью, скрытой за фасадом Республики.

Алессия почувствовала, как по венам вместо крови побежал холодок. «Веньер? Почему он обратился к нам? Есть художники известнее, старше...»

«Он сказал, что ему нужен не льстец, а тот, кто умеет видеть, – Лоренцо понизил голос до заговорщицкого шепота. – Его слуга нашел меня в «Серебряной чайке». Не спрашивал, не торговался. Просто передал это».

Он протянул ей сложенный листок плотной, дорогой бумаги. Алессия взяла его. Бумага была теплой от его руки. Никакого герба, никакой подписи. Лишь печать из черного воска с оттиском странного узора, похожего на лабиринт. Она сломала печать. Внутри было всего несколько строк, выведенных твердым, уверенным почерком с резкими, как удар рапиры, росчерками: «Маэстро Беллини. Палаццо Веньер. Завтра, на третьем часе после полудня. Вопрос цены не стоит».

Это был не заказ. Это был приказ.

«Он хочет, чтобы ты написала его портрет, – выдохнул Лоренцо, не в силах сдерживать восторг. – Представляешь, Алессия? Портрет Марко Веньера! После этого все двери Венеции будут открыты для нас! Мы сможем...»

«Мы сможем оказаться в свинцовых камерах под Дворцом дождей или на дне канала с камнем на шее», – ледяным тоном оборвала его Алессия. Она снова и снова перечитывала короткое послание. В нем не было ни вежливости, ни просьбы. Только холодная, абсолютная уверенность в том, что ему не откажут. «Это безумие, Лоренцо. Люди вроде Веньера... они не любят, когда их разглядывают. Они видят насквозь. Он поймет. Один неверный жест, один взгляд – и все кончено».

Ее страх был почти осязаем. Он пах скипидаром и пылью. Она слишком долго и тщательно строила свою крепость, свою мужскую личину, чтобы позволить одному таинственному патрицию разрушить ее до основания. Она представила себе его взгляд – пронзительный, как стилет инквизитора, – и ее руки, которые должны были быть тверды, мелко задрожали.

«Ты преувеличиваешь! – отмахнулся Лоренцо, но в его голосе уже не было прежней уверенности. Он подошел к столу и сгреб монеты в кошель. – Посмотри! Это наш шанс! Шанс расплатиться со всеми долгами, жить, а не выживать. Отец гордился бы тобой».

Упоминание об отце было ударом ниже пояса. Отец, гениальный и несчастный, сломленный интригами завистников и безденежьем, умерший в этой самой мастерской, завещав ей лишь свой талант и свои долги. Именно ради его памяти она пошла на этот обман. Чтобы имя Беллини снова зазвучало в Венеции.

«Отец учил меня не только живописи, – тихо сказала она. – Он учил меня осторожности. Он говорил, что самые опасные натурщики – те, кто молчит. В их молчании можно утонуть».

«Так откажись! – вспыхнул Лоренцо, его страх прорвался сквозь браваду. – Откажись, и мы вернем этот аванс. И тогда можешь сама объясняться с синьором Тьеполо, которому я должен сумму, вдвое большую. Он обещал, что его люди сломают мне пальцы. Интересно, как ты будешь писать картины после этого?»

Он не угрожал. Он констатировал факт. Их общая, уродливая реальность. Его долги были ее кандалами. Ее талант был его спасательным кругом. Они были связаны намертво, как гондола с причалом.

Алессия закрыла глаза. Перед внутренним взором пронеслись лица: самодовольное лицо сенатора Градениго, жадные глаза ростовщика Тьеполо, испуганное лицо Лоренцо. Все они чего-то хотели от нее, все тянули к ней руки. И посреди них возникло новое лицо, которого она никогда не видела, но уже чувствовала. Лицо Марко Веньера. Темное, непроницаемое, как венецианская ночь.

Что-то внутри нее, помимо страха, шевельнулось. Любопытство художника, азарт игрока. Каков он, этот человек-тень? Что скрывается за его маской власти и тайны? Сможет ли ее кисть проникнуть сквозь нее? Сможет ли она, Алессия, спрятанная за личиной Лоренцо, разгадать его и не выдать при этом себя? Это был вызов. Опасный, смертельный, но оттого еще более притягательный. Величайший заказ в ее жизни, который мог стать и последним.

Она медленно открыла глаза. Ее взгляд упал на незаконченный натюрморт в углу мастерской. Череп, лежащий рядом с раскрытой книгой и увядшей розой. Vanitas. Суета сует. Все тлен. Все, кроме искусства. Искусство было вечным. И шанс создать шедевр выпадал не каждый день.

«Хорошо», – сказала она, и слово прозвучало в тишине мастерской как приговор. – «Я напишу его портрет».

Лоренцо облегченно выдохнул, его лицо снова просияло. Он хотел было обнять ее, но вовремя остановился, вспомнив, что она сейчас не сестра, а деловой партнер, маэстро Беллини.

«Я знал! Я знал, что ты согласишься! – он схватил ее за плечи. – Ты лучшая, слышишь? Лучшая во всей Венеции!»

Она высвободилась из его рук и подошла к столу. Ее пальцы коснулись холодного золота. Монеты казались платой не за будущую картину, а за ее душу. Она подняла одну и поднесла к свету. Профиль дожа смотрел на нее слепо и бесстрастно.

«Уходи, Лоренцо», – сказала она, не оборачиваясь. Голос ее был ровным и глухим. «Мне нужно подготовиться. И... раздай самые срочные долги. Не все. Только самые срочные. Остальное спрячь».

Он кивнул, торопливо сгребая кошель, и, насвистывая какой-то фривольный мотивчик, выскользнул за дверь. Снова наступила тишина, но теперь она была другой. Она была наполнена ожиданием, тревогой и странным, возбуждающим предвкушением.

Алессия осталась одна посреди своей мастерской, посреди своего обмана. Она посмотрела на свои руки. Руки художника, способные смешать на палитре цвет заката и отчаяния. Завтра этим рукам предстояло коснуться холста, на котором она должна будет изобразить одного из самых опасных людей Венеции. Завтра ей предстояло войти в палаццо Веньер, в самое сердце лабиринта, из которого могло и не быть выхода. Она сжала кулаки. Краска под ногтями въелась в кожу, как клеймо. В полумраке мастерской ее собственная тень на стене казалась чужой, незнакомой, искаженной и пугающе мужской.

Взгляд заказчика

Гондола скользила по узкому каналу, зажатому между глухими, влажными стенами домов, лишенных парадного блеска Большого канала. Здесь Венеция показывала свое иное лицо, не то, что предназначалось для послов и торговцев. Воздух был густым и неподвижным, пах тиной, гниющими сваями и холодной солью. Алессия сидела, сцепив пальцы в перчатках на коленях, и заставляла себя дышать ровно. Мужской камзол, позаимствованный у Лоренцо, сидел мешковато, но под ним тугой льняной бинт сдавливал грудь, превращая каждый вдох в осознанное усилие. Она была Лоренцо Беллини, восходящей звездой венецианской живописи. Она повторяла это про себя, как заклинание, но слова казались тонкими, как паутина, готовая порваться от любого неосторожного движения.

Гондольер, молчаливый старик с лицом, выдубленным ветрами Адриатики, направил лодку в последний, еще более узкий проход, и они вышли к небольшой уединенной пристани. Перед ней возвышался фасад Палаццо Веньер. Он не подавлял избытком декора, как многие другие дворцы. Его красота была строгой, почти суровой. Темно-серый истрийский камень, высокие стрельчатые окна, забранные тяжелыми решетками, и глухие, окованные железом ворота. Дворец не хвастался своим богатством, он просто констатировал свою мощь, свою неприступность. Он был похож не на дом, а на крепость, хранящую свои тайны.

Слуга, открывший калитку, был под стать дворцу – безмолвный, одетый в темную ливрею без гербов, он двигался с бесшумной эффективностью тени. Он не произнес ни слова, лишь кивнул и повел ее внутрь. Они миновали холодный, гулкий вестибюль, где звук ее шагов по мраморным плитам отдавался под сводчатым потолком, и поднялись по широкой лестнице, ступени которой были стерты поколениями Веньеров. Стены были увешаны портретами предков. Алессия, как художник, не могла не отметить их качество. Здесь были работы Тициана, Тинторетто, Веронезе. Лица суровых воинов, хитрых дипломатов и бледных, похожих на драгоценности женщин смотрели на нее из полумрака. Они не просто висели на стенах – они были частью этой давящей тишины, они судили и оценивали каждого, кто осмеливался войти в их владения.

Слуга остановился перед массивной резной дверью и, приоткрыв ее, жестом пригласил Алессию войти, после чего бесшумно прикрыл створку за ее спиной. Она оказалась в просторном кабинете. Здесь было больше света, чем в остальном дворце, но свет этот был странным – холодным, рассеянным, льющим из высокого окна, выходившего не на канал, а во внутренний, заросший плющом дворик. Воздух был пропитан запахом старых книг, воска и чего-то еще, неуловимого, терпкого, как запах сухого вина или редких пород дерева. Вдоль стен тянулись шкафы из черного дуба, заставленные фолиантами в кожаных переплетах. На огромном столе, заваленному картами и бумагами, стоял глобус и несколько астрономических приборов из потускневшей меди. Но никого не было.

Она осталась стоять посреди комнаты, чувствуя себя неуместно, как яркий мазок кинувари на холсте, написанном умброй и сиеной. Эта нарочитая пауза, это ожидание было частью игры, она поняла это сразу. Ее изучали, ей давали время пропитаться атмосферой этого места, осознать его вес. Она заставила себя расправить плечи, приняв позу уверенного в себе мастера. Она – Лоренцо Беллини. Она пришла обсуждать заказ, а не трепетать перед богатством. Алессия медленно обвела взглядом комнату, ее глаз художника жадно впитывал детали. Картины

здесь были иными, не парадными портретами. На стене напротив висело полотно в стиле Караваджо – напряженная сцена с Иудифью и Олоферном, где свет выхватывал из мрака лишь отчаянную решимость на лице женщины и предсмертный ужас в глазах мужчины. Игра света и тени, кьяроскуро, доведенная до предела, превращала библейский сюжет в драму о власти, предательстве и неизбежности. Выбор такой картины для кабинета говорил о владельце больше, чем все фамильные портреты в галерее.

– Вам нравится? – Голос раздался из самого темного угла комнаты, оттуда, где глубокое кресло с высокой спинкой сливалось с тенью от книжного шкафа.

Алессия вздрогнула, но не позволила этому отразиться на лице. Она медленно повернулась. Мужчина поднялся из кресла и шагнул в полосу света. Марко Веньер. Он был выше, чем она представляла, и двигался с хищной, сдержанной грацией. На нем был простой, но безупречно сшитый камзол из черного бархата, не скрывавший, а подчеркивавший атлетическую фигуру. Никаких кружев, никакой вышивки – лишь белизна тончайшего батиста у воротника и манжет. Его лицо было словно высечено из камня – высокие скулы, прямой нос, твердая линия подбородка. Но все это было лишь рамой для его глаз. Серые, холодные, как зимнее море, они смотрели на нее не просто внимательно, а пронзительно. Это был не взгляд заказчика, оценивающего товар. Это был взгляд инквизитора, ищущего ересь, взгляд анатома, ищущего скрытый порок под безупречной кожей.

– Это мощная работа, – ответила Алессия, стараясь, чтобы ее голос звучал ниже и увереннее. – Художник не побоялся заглянуть в бездну. Не каждый решится повесить такое в своем кабинете. Это требует определенного склада ума.

– Или отсутствия иллюзий, – Марко Веньер подошел ближе. Он остановился на расстоянии двух шагов, но Алессии показалось, что он вторгся в ее личное пространство. От него исходил едва уловимый аромат – не цветочные эссенции, принятые при дворе, а что-то более резкое и чистое: запах дорогого мыла, кожи и озона после грозы. – Говорят, вы, маэстро Беллини, тоже не боитесь заглядывать в бездну. Что ваши портреты – это не лесть, а приговор. Именно поэтому я вас и пригласил.

Его губы изогнулись в подобии улыбки, но глаза оставались холодными. Дуэль началась.

– Я пишу то, что вижу, синьор, – парировала она, встречая его взгляд. – Если человек желает видеть на холсте не себя, а свою фантазию, ему лучше нанять декоратора, а не портретиста.

– Прекрасно. Значит, мы пойдем друг друга. – Он обошел ее, медленно, словно хищник, изучающий свою добычу. Алессия почувствовала, как по спине пробежала волна холода, несмотря на духоту комнаты. Она заставила себя стоять неподвижно, не оборачиваясь, но ощущала его взгляд на своем затылке, на линии плеч, на руках, сжимающих шляпу. – Меня не интересует мое положение. Я не нуждаюсь в том, чтобы холст напоминал мне, кто я такой. Это делают другие, и делают это весьма утомительно. Я хочу, чтобы вы написали не Марко Веньера, патриция и члена Совета. Я хочу, чтобы вы написали человека. Со всеми его... трещинами на лаковом покрытии. Способны ли вы на это, маэстро?

Его голос был низким, бархатным, но в нем слышались стальные ноты. Вопрос был провокацией. Он сомневался в ней. Или проверял ее.

– Любой человек – это игра света и тени, синьор, – ответила Алессия, поворачиваясь к нему. Она заставила себя посмотреть ему прямо в глаза. – Задача художника – найти правильный баланс, чтобы на холсте проступила истина. Даже если она скрыта в самой глубокой тени. Это не вопрос способности. Это вопрос времени и... откровенности натурщика.

На мгновение в его глазах что-то мелькнуло. Не удивление, скорее, интерес. Он снова сократил дистанцию, останавливаясь так близко, что она могла видеть крошечный, почти незаметный шрам у него на брови и золотистые искорки в серой радужке.

– Откровенности... – он произнес это слово медленно, словно пробуя его на вкус. – Вы просите откровенности от меня. А насколько откровенны вы сами, маэстро Лоренцо?

Его взгляд скользнул с ее глаз ниже, к губам, к шее, где тугой воротник рубашки натирал нежную кожу, и задержался на ее руках. Алессия вдруг остро осознала свои руки – тонкие, с длинными пальцами, испачканными въевшимся пигментом под ногтями. Руки художника. Но были ли они похожи на руки мужчины? Она инстинктивно сжала их за спиной.

– Моя откровенность – на моих холстах. Это единственное, что имеет значение, – ее голос прозвучал резче, чем она хотела.

Марко Веньер не отступил. Напротив, он сделал еще один, едва заметный шаг. Воздух между ними, казалось, загустел, стал вязким и горячим. Он не касался ее, но она чувствовала его тепло, его присутствие всем телом. Это было невыносимо. Ее мужской костюм вдруг стал не броней, а тонкой, хрупкой скорлупой. Она чувствовала себя обнаженной под этим всепроникающим взглядом, который, казалось, игнорировал одежду, проникал сквозь кожу и кости, пытаясь нащупать самую ее суть.

– Ваши руки, – сказал он тихо, и от этого шепота у нее перехватило дыхание. – Они слишком изящны для мужчины, который работает с холстом и подрамниками. Ваш отец, говорят, был могучим человеком. Вы не пошли в него.

Страх, холодный и липкий, поднялся от желудка к горлу. Он видит. Он все видит. Она отчаянно искала ответ, любую фразу, которая могла бы отвести удар.

– Кисть не требует грубой силы, синьор, – выдавила она. – Она требует точности. Моя сила – в кончиках пальцев.

– В кончиках пальцев, – повторил он, и его взгляд снова вернулся к ее лицу. – И в глазах. У вас глаза вашей матери?

Это был удар под дых. Никто никогда не спрашивал о ее матери, умершей при родах. Все знали только ее отца. Откуда он это знает? Он что, наводил справки? Паранойя, верная спутница ее двойной жизни, закричала об опасности.

– Я ее не помню, – ответила она глухо.

– Жаль. Говорят, она была редкой красавицей. – Он отошел, наконец-то разрывая это невыносимое напряжение. Алессия смогла вдохнуть. Он подошел к столу, провел пальцами

по глобусу, медленно раскручивая его. – Итак, о заказе. Я хочу, чтобы вы работали здесь, в этом кабинете. Никто не будет нам мешать. Я буду в вашем полном распоряжении по три часа, дважды в неделю. Цена... – он махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху, – не имеет значения. Назовите любую сумму, мой управляющий заплатит. Вас это устраивает?

Она должна была почувствовать триумф. Заказ, о котором любой художник в Венеции мог только мечтать. Полная свобода, неограниченный бюджет. Но вместо радости она ощущала лишь холодную пустоту в груди. Это было похоже не на сделку, а на подписание договора с дьяволом. Он не просто заказывал портрет. Он покупал ее время, ее присутствие, ее внимание. Он запирали ее в этой комнате вместе с собой, со своими тайнами и своим опасным, всевидящим взглядом.

– Да, синьор Веньер. Устраивает, – кивнула она, понимая, что выбора у нее нет. Отка-
заться сейчас – значит, признать свой страх, подтвердить его подозрения.

– Тогда начнем послезавтра. Приходите к полудню. Принесите все, что вам нужно. Мои люди помогут вам с мольбертом и холстом. Я хочу, чтобы вы писали на большом холсте. В полный рост.

Он снова посмотрел на нее, и на этот раз в его взгляде была не только подозрительность, но и что-то еще. Темный, обволакивающий интерес, который пугал ее больше, чем прямые вопросы. Это был интерес мужчины к женщине, пробивающийся сквозь все маски и условности. Он не знал наверняка, но он чувствовал. И ему нравилась эта игра. Ему нравилось ее замешательство, ее скрытое напряжение. Он наслаждался своей властью.

Алессия кивнула еще раз, не в силах вымолвить ни слова. Она развернулась и пошла к двери, чувствуя его взгляд на своей спине каждым нервным окончанием. Ее шаги казались ей неуклюжими, мужская походка, которую она так долго репетировала, вдруг стала неестественной и фальшивой.

– Маэстро Беллини, – окликнул он ее, когда ее рука уже коснулась холодной бронзы дверной ручки.

Она замерла, не оборачиваясь.

– Вы так и не сказали, что вы думаете о картине, – его голос звучал спокойно, но в нем была скрытая насмешка. – Об Иудифи. Как вы считаете, что она чувствовала в тот момент? Триумф? Отвращение? А может... влечение к своей жертве?

Алессия медленно повернула голову. Их взгляды встретились через всю комнату, через полосы света и тени, падавшие на персидский ковер.

– Я думаю, – произнесла она медленно, вкладывая в слова всю свою гордость и весь свой страх, – она чувствовала, что это единственный способ выжить. И что цена этой жизни будет невероятно высока.

Не дожидаясь ответа, она открыла дверь и вышла в коридор, где ее уже ждал безмолвный слуга. Она шла по гулким залам Палаццо Веньер, мимо суровых лиц его предков, и чувствовала

себя не Иудифью, а Олоферном, который только что добровольно положил голову на плаху, замороженный взглядом своего палача. И она знала, что топор уже занесен.

Прикосновение кисти

Тишина в этом кабинете была не просто отсутствием звука. Она была материей. Плотной, тяжелой, как вековой бархат портьер, что глушили свет и жизнь с улицы, оставляя лишь один высокий луч, пронзающий полумрак и падающий на точное место, где должно было стоять кресло. Тишина эта пахла старой кожей книжных переплетов, холодным металлом оружия на стенах и едва уловимым ароматом воска. Алессия чувствовала ее на языке, горьковатый привкус власти и одиночества. Она раскладывала свои инструменты на небольшом столике с медлительной, выверенной точностью, превращая этот ритуал в способ присвоить себе хотя бы крошечный клочок враждебного пространства. Вот угольный карандаш, хрупкий и черный. Вот кисти с ручками из отполированного дерева, их щетина – продолжение ее пальцев. Вот палитра, чистая и гладкая, как совесть новорожденного. Это был ее арсенал, ее единственная защита.

Она установила мольберт, натянув на подрамник новый, загрунтованный холст. Его девственная белизна казалась почти непристойной в этой комнате, полной теней и недомолвок. Здесь все было старым, темным, пропитанным историями, которые никогда не расскажут. Резные ножки стола в виде львиных лап, тускло поблескивающая карта мира на стене, где Венеция была золотым сердцем, а все остальные земли – лишь ее бледными провинциями. И кресло. Оно стояло в луче света, высокое, с прямой спинкой и подлокотниками, похожими на застывших грифонов. Это был не предмет мебели. Это был трон.

Алессия сделала несколько глубоких, незаметных вдохов, пытаясь унять трепет, который ледяной струйкой бежал вдоль позвоночника. Это был не страх художника перед сложной задачей. Это был страх зверя, зашедшего в логово хищника. Она не слышала, как он вошел. Просто в какой-то момент подняла глаза от палитры и увидела, что он стоит в дверном проеме, наблюдая за ней. Марко Веньер не нарушил тишину, он влился в нее, стал ее самой плотной частью.

Он был одет просто, без показной роскоши, но каждый элемент его костюма говорил о качестве и статусе больше, чем любое золото. Темно-зеленый камзол из плотного сукна, белоснежная батистовая рубашка с неброским кружевом на манжетах. Никаких перстней, никаких цепей. Лишь его присутствие заполняло комнату, делая ее тесной. Он медленно подошел ближе, его шаги были бесшумны на толстом персидском ковре. Его взгляд скользнул по ее инструментам, по холсту, а затем остановился на ее лице. Алессия почувствовала этот взгляд как физическое прикосновение, как холодный металл, прижатый к коже.

«Свет вам подходит, маэстро?» – его голос был низким, ровным, без малейшего намека на эмоции. Он не был громким, но казалось, что от его вибраций дрогнули даже пылинки в солнечном луче.

«Свет идеален, ваша светлость», – ответила Алессия, заставляя себя говорить спокойно и по-деловому. Она взяла в руки уголь. Прикосновение к знакомому инструменту придало ей уверенности. – «Он лепит форму, но оставляет простор для тени. Для сути».

Марко Веньер едва заметно усмехнулся уголком рта. «Для сути. Мне нравится ваша формулировка. Большинство ваших коллег предпочитают говорить о сходстве».

Он сел в кресло. Не грузно, как сенатор Градениго, а легко, одним плавным движением, словно сливаясь с ним воедино. Он не позировал. Он просто занял свое место. Положил одну руку на подлокотник, другую – на колено. Голову чуть склонил набок, и его лицо оказалось разделено светом и тенью ровно пополам. Кьяроскуро. Сам Караваджо не придумал бы лучшей композиции.

«Сходство – ремесло, ваша светлость. Увидеть суть – искусство», – произнесла Алессия, делая первый штрих на холсте. Линия получилась слишком резкой. Она мысленно выругала себя. Руки. Главное – сохранить твердость рук.

«И что же видит ваше искусство, маэстро, когда смотрит на меня?» – он не отрывал от нее взгляда. Его серые глаза в полумраке казались почти черными, и в их глубине не было никакого отражения.

Алессия не ответила сразу. Она работала, позволяя шуршанию угля по холсту заполнить паузу. Она набрасывала контур: высокий лоб, резкая линия скул, прямой, почти хищный нос, упрямый подбородок. Она рисовала маску, пытаясь заглянуть за нее. «Я вижу... конфликт. Силу, которая сдерживает сама себя. Словно натянутая тетива лука, которая еще не решила, выпустить стрелу или нет».

В кабинете повисла пауза, настолько плотная, что, казалось, ее можно было потрогать. Марко не шевельнулся, но Алессия почувствовала, как изменилась атмосфера. Воздух стал более разреженным, дышать стало труднее.

«Вы проницательны, – наконец произнес он, и в его голосе прозвучали новые, металлические нотки. – Или просто хорошо заучили лесть, которая нравится заказчикам».

«Лесть создает красивые картины. Но не живые», – парировала она, не поднимая глаз от холста. – «Я предпочитаю писать живых людей. Даже если правда, которую я вижу, им не понравится».

«А вы не боитесь, что однажды правда, которую вы увидите, не понравится настолько, что заказчик сломает вам пальцы, а не заплатит за работу?»

Уголь в ее руке замер на полпути. Угроза была произнесена тем же ровным, спокойным тоном, но от этого она не стала менее реальной. Он проверял ее, играл с ней, как кот с мышью. Она заставила себя продолжить линию, очерчивая изгиб его губ.

«Я верю, что истинный ценитель искусства заплатит именно за правду, ваша светлость. Какой бы она ни была».

Он тихо рассмеялся. Смех был коротким, сухим, без веселья. «Вы опасный человек, маэстро Беллини. Вы верите в идеалы в городе, который давно променял их на золото и безопасность».

Он говорил, а она рисовала. Его голос был для нее таким же инструментом, как уголь. Он помогал ей лепить его образ, добавляя в него новые слои. Цинизм. Усталость. Застарелая боль, спрятанная так глубоко, что ее можно было уловить лишь по тому, как ложилась тень у висков.

Она работала быстро, жадно, боясь упустить мимолетные выражения, которые сменяли друг друга на его лице, словно облака на венецианском небе.

Когда основной набросок был готов, она отступила на шаг. Получилось. Конфликт, о котором она говорила, был на холсте. Сила и уязвимость, сплетенные воедино. Он был похож и не похож одновременно. Это был не парадный портрет патриция. Это был эскиз души воина после долгой битвы.

«Достаточно для первого раза», – сказала она, сама удивляясь твердости своего голоса.

Марко поднялся с кресла, подошел к мольберту. Он долго смотрел на набросок, склонив голову. Алессия затаила дыхание. Она видела, как напряглась мышца на его челюсти. Сейчас он либо вышвырнет ее вон, либо...

«Вы действительно видите», – произнес он так тихо, что она едва расслышала. Это не было похвалой. Это была констатация факта. Тревожная, почти испуганная. Он повернулся к ней, и расстояние между ними сократилось до одного шага. – «Но вы видите не то. Вы видите броню. А я просил вас написать человека».

И прежде, чем она успела что-либо ответить, он начал расстегивать свой камзол. Медленно, пуговицу за пуговицей. Он снял его и небрежно бросил на спинку стула. Остался в одной белоснежной рубашке. Тонкая ткань не скрывала, а лишь подчеркивала широкие плечи и мощную грудную клетку. Комната вдруг стала невыносимо душной.

«Вот так, – сказал он, расстегивая верхнюю пуговицу на воротнике рубашки. – Без сукна и позолоты. Без гербов и регалий. Попробуйте еще раз».

Он снова сел в кресло, но на этот раз его поза была другой. Более расслабленной, открытой. И оттого – в тысячу раз более опасной. Он откинул голову на спинку кресла, и свет упал на его шею, на сильные мышцы, на биение жилки под кожей. Алессия почувствовала, как переохло во рту. Она смотрела на него, и профессиональный взгляд художника боролся с чем-то иным, древним, женским, что поднималось из самых глубин ее существа. Она видела не просто натурщика. Она видела мужчину. И это открытие было подобно вспышке молнии в темной комнате. Оно ослепило ее, выжгло на сетчатке его образ.

Она взяла новую кисть, выдавила на палитру немного умбры и охры, смешивая краски. Руки дрожали. Она сжала рукоятку кисти так, что побелели костяшки. Нельзя. Нельзя поддаваться. Он просто играет. Он хочет сбить ее с толку, разрушить ее защиту. Он почувствовал ее силу – силу ее взгляда – и теперь пытается обезоружить ее.

«Воротник... – произнес он лениво, проводя пальцами по шее. – Кажется, он мне мешает. Слишком туго. Не могли бы вы... поправить, маэстро? Ваши пальцы точнее моих».

Время застыло. Слова повисли в густом воздухе кабинета, звеня, как натянутая струна. Это была ловушка. Простая, грубая, но оттого неотразимая. Отказаться – значит проявить слабость, выдать свое смятение. Согласиться – значит переступить черту, за которой ее маска «Лоренцо» могла рассыпаться в прах.

Она медленно положила кисть. Сердце в груди билось так сильно, что, казалось, его стук слышен по всей комнате. Она заставила себя сделать шаг. Потом еще один. Она подошла к нему так близко, что могла почувствовать тепло, исходящее от его тела. Она видела мельчайшие детали: темную щетину на его подбородке, тонкий шрам у виска, почти невидимый в тени, отражение окна в его зрачках.

Она протянула руку. Пальцы казались чужими, деревянными. Она старалась думать о нем как о мраморной статуе, как о предмете, который нужно поправить для лучшей композиции. Но в тот момент, когда кончики ее пальцев коснулись тонкой ткани его рубашки, а затем, неизбежно, горячей кожи на его шее, весь мир сузился до этой единственной точки.

Его кожа была живой. Горячей, гладкой, упругой. Под ней бился пульс – сильный, ровный. Этот ритм отозвался во всем ее теле, сбивая ее собственное дыхание. От его кожи пахло чем-то неуловимым и пьянящим – не духами, а чем-то более естественным: ветром, железом и чем-то еще, что она не могла определить, но что заставляло ее кровь бежать быстрее. Это было всего лишь мгновение. Прикосновение, которое длилось не дольше удара сердца. Но в это мгновение между ними словно проскочила искра. Невидимая, неслышная, но она обожгла ее до самых костей, оставив на ее памяти невидимый след, клеймо.

Она отдернула руку так резко, словно коснулась раскаленного металла.

Он не пошевелился. Лишь его глаза, которые все это время следили за каждым ее движением, чуть сузились. Он видел. Он все видел. И дрожь в ее пальцах, и вспыхнувший на щеках румянец, который она не могла скрыть, и то, как на мгновение ее профессиональная маска дала трещину, обнажив что-то испуганное, женское, настоящее.

«Благодарю, маэстро», – его голос прозвучал еще тише, почти интимно. В нем не было насмешки. Было что-то другое. Удовлетворение охотника, увидевшего, что зверь попал в капкан.

Алессия отступила назад к мольберту, споткнувшись о ножку столика. Ее оборона была прорвана. Крепость, которую она так долго строила, рухнула от одного прикосновения. Она снова взяла кисть, но пальцы ее не слушались. Она попыталась смешать краски, но рука дрогнула, и на палитре получилось грязное, неопределенное пятно.

Она подняла глаза на него. Он все так же сидел в кресле, расслабленный и спокойный, но теперь в его взгляде читался триумф. Он ничего не сказал, но она знала, о чем он думает. Он нашел ее слабость. Он понял, что за маской холодного профессионала скрывается что-то живое и трепещущее. И теперь он будет давить на эту точку снова и снова.

Она пыталась работать, но ничего не получалось. Линии ложились криво, мазки были грубыми и неуверенными. Его образ расплывался перед глазами, смешиваясь с жаром, который до сих пор горел на кончиках ее пальцев. Она больше не видела натурщика. Она видела мужчину, который только что прикоснулся к ее душе, даже не зная об этом. Мужчину, который одним жестом разрушил ее мир.

«Свет... – прохрипела она, сама не узнавая своего голоса. – Свет уходит. На сегодня достаточно».

Это была ложь. Луч солнца все так же ярко освещал его лицо. Но это была единственная причина, которую она смогла придумать, чтобы сбежать. Сбежать от него, от этой комнаты, от самой себя.

Он медленно кивнул, не сводя с нее пронзительного взгляда. «Как скажете, маэстро. Свет капризен».

Он поднялся, подобрал с кресла камзол и накинул его на плечи. Он снова стал непреступным, закрытым. Но Алессия знала, что это лишь иллюзия. Она видела то, что скрывалось под броней. И, что было гораздо страшнее, он знал, что она видела.

Когда она, торопливо и неловко собирая свои инструменты, уже стояла у двери, он остановил ее.

«Маэстро Беллини».

Она обернулась.

«Свет многое выявляет, это правда, – сказал он задумчиво, глядя на свой незаконченный портрет. – Но самые интересные истины всегда прячутся в тени. Вы согласны?»

Его вопрос был не об искусстве. Он был о ней. О ее тайне. О той тени, в которой она жила.

Алессия не смогла выдать из себя ни слова. Она лишь коротко кивнула и выскользнула за дверь, как вор, пойманный на месте преступления. Уже на лестнице, в холодной гулкой тишине палатки, она остановилась и посмотрела на свою правую руку. Пальцы все еще мелко дрожали. И ей казалось, что на них до сих пор остался отпечаток его тепла. Прикосновение, которое стало и ее проклятием, и ее самым страшным искушением.

Цвета страха

Кабинет дышал тишиной. Не той пустой тишиной, что царит в заброшенных комнатах, а плотной, живой тишиной, сотканной из шелеста переворачиваемых страниц, скрипа перьев и едва слышного потрескивания воска в курильнице, источавшей горьковатый аромат сандала и ладана. Алессия работала уже второй час, и это молчание стало для нее таким же привычным инструментом, как кисть или палитра. Она научилась различать его оттенки. Было молчание задумчивое, когда взгляд Марко уходил вглубь себя, и его лицо становилось похожим на античную маску, лишённую сиюминутных эмоций. Было молчание напряженное, когда его пальцы сжимали подлокотник кресла, а на виске проступала тонкая синяя жилка – верный признак того, что его мысли ведут битву где-то далеко за пределами этой комнаты. А было молчание опасное, изучающее, когда она физически ощущала его взгляд на своих руках, на шее, на волосах, выбившихся из-под парика. В такие моменты воздух между ними натягивался, как тетива, и каждый мазок требовал от нее невероятного усилия воли.

Сегодня он молчал задумчиво. Свет из высокого окна падал на него сбоку, лепя форму его лица с безжалостной четкостью, достойной самого Караваджо. Резкая тень пролегла от крыла носа к уголку рта, подчеркивая линию волевого, циничного изгиба губ. Но свет выхватывал иное: усталость в чуть прикрытых веках, тонкую сеть морщинок у глаз, невидимую издали, но говорящую о бессонных ночах и тяжести постоянного контроля. Ее кисть летала над холстом, смешивая сиену жженую с каплей кармина и крохотной толикой ультрамарина, чтобы передать сложный, живой оттенок его кожи в полутени. Она писала не просто человека, она писала его тайну. Портрет становился их общим пространством, полем безмолвного диалога. Он позволял ей видеть его уязвимость, она же, в свою очередь, открывала ему свой дар, самое сокровенное, что у нее было.

Этот хрупкий, почти интимный ритуал нарушил тихий стук в дверь. Вошел тот самый безмолвный слуга, похожий на тень, и, поклонившись, протянул Марко тонкий свиток, перевязанный черной лентой. Марко даже не взглянул на вошедшего. Его глаза не отрывались от лица Алессии, словно он пытался запомнить выражение, с которым она работает. Лишь когда слуга беззвучно удалился, он развернул свиток.

Алессия опустила кисть. Она знала, что сеанс окончен. Выражение его лица изменилось мгновенно. Словно теплая масляная краска на палитре застыла, превратившись в холодный, твердый камень. Усталость исчезла, уступив место ледяной сосредоточенности. Взгляд его серых глаз стал острым и плоским, как лезвие стилета. Он скомкал свиток в кулаке и поднялся.

– Прошу прощения, маэстро, – его голос был ровным, но в нем пропали бархатные обертоны, остался лишь чистый металл. – Неотложные дела. Вы можете продолжить работать с фоном или сделать перерыв. Я велю подать вам вина и фруктов. Расповайтесь здесь как у себя дома. Я вернусь, как только смогу.

Он не ждал ответа. Развернувшись, он пересек кабинет широкими, быстрыми шагами и вышел, плотно притворив за собой дверь. Его уход оставил после себя звенящую пустоту. Тишина в комнате из живой и наполненной превратилась в мертвую.

Алессия стояла перед мольбертом, стискивая в руке кисть. «Распоряжайтесь как у себя дома». Какие лживые, пустые слова. Она здесь была пленницей. Пленницей своего обмана, своего таланта и этого странного, пугающего влечения к человеку, который только что на ее глазах превратился из загадочного аристократа в нечто иное, чему она не знала имени. Она подошла к окну. Внутренний дворик был пуст, лишь старый плющ, похожий на скрюченные вены, обвивал серые камни. Ни звука. Дворец, казалось, затаил дыхание.

Ее взгляд упал на его стол. Тот самый стол, заваленный книгами и картами, который она видела в первый день. Но сейчас он притягивал ее с непреодолимой силой. Любопытство художника смешивалось с животным страхом жертвы, пытающейся понять повадки хищника. Это было безумие. Глупость, которая могла стоить ей всего. Но оставаться в неведении было еще страшнее.

Она сделала шаг, потом другой. Ее башмаки на толстой подошве, призванные добавлять ей роста и мужественности, ступали по персидскому ковру почти бесшумно. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухими ударами в ушах. Она подошла к столу. Порядок, царивший на нем, был обманчив. Это был порядок деятельного ума, где каждая вещь лежала на своем, известном лишь хозяину, месте. Стопка книг по фортификации и баллистике. Трактат Макиавелли, испещренный пометками на полях, сделанными резким, уверенным почерком. Раскрытый фолиант с гравюрами анатомического театра Падуи. Ничего необычного для просвещенного венецианского дворянина.

Но на краю стола, прижатый тяжелым бронзовым пресс-папье в виде свернувшегося дракона, лежал большой лист пергамента. Это была подробная карта Венеции, но не та, что продавали на мосту Риальто туристам и паломникам. Эта была выполнена с военной точностью. И она была живой. Десятки мест были отмечены крошечными точками, нанесенными разными цветами чернил – красными, синими, черными. Возле некоторых стояли едва различимые пометки, шифры. Но не шифры привлекли ее внимание, а список фамилий, выведенный на отдельном листке рядом с картой. Контарини, Мочениго, Барбариго, Гримани. Величайшие семьи Республики, чьи имена были самой историей Венеции. И напротив каждой фамилии стояли такие же цветные точки. Это была не карта города. Это была карта власти. Схема союзов, врагов, нейтральных сил. Поле битвы, развернутое на пергаменте.

Холод начал медленно подниматься по ее ногам. Это было не просто увлечение политикой. Это была работа. Систематическая, холодная, безжалостная работа. Она протянула руку, чтобы отодвинуть список, и под ним обнаружила краешек другого письма. Оно было сложено, но печать была сломана. И эта печать заставила кровь в ее жилах застыть. Это был не фамильный герб Веньеров. На черном воске был оттиснут крылатый лев Святого Марка, но в лапах он держал не Евангелие, а три скрещенных кинжала. Знак государственных инквизиторов. Трибунал, чья власть была абсолютной, чьи решения не подлежали обжалованию, а приговоры приводились в исполнение тайно, под покровом ночи. Совет Десяти был грозной силой, но «Тройка» была его сердцем, его клинком, его ужасом.

Дрожащими пальцами она потянула письмо на себя. Оно было написано тем же шифром, что и пометки на карте, но в конце, под росчерками подписей, шла короткая приписка обычными словами, сделанная, видимо, для ясности исполнителя. «...ввиду государственной необходимости и на основании анонимного доноса, принятого в *bossa di leone*, предписывается провести ночное заседание по делу означенного лица. Результаты доложить незамедлительно».

Восса di leone. Львиная пасть. Щели в стенах Дворца дожей, куда любой мог опустить анонимный донос, обрекая соседа, конкурента или врага на тайный суд и, возможно, смерть. Это был самый гнусный и самый действенный инструмент венецианской власти. И Марко Веньер, ее натурщик, ее заказчик, человек, чье дыхание она чувствовала на своей щеке, когда он склонился над холстом, держал в руках эти нити. Он не просто был связан с этой машиной смерти. Он был одной из ее шестерен. Возможно, главной.

Алессия отшатнулась от стола, словно от чумного. В горле стоял ком. Воздуха не хватало. Она посмотрела на свой мольберт. На холсте проступало его лицо – сложное, умное, притягательное. Какой самообман! Она писала маску, красивый фасад, за которым скрывался палач. Все метафоры, которые она находила для него – игра света и тени, кьяроскуро – вдруг обрели новый, зловещий смысл. Свет – это его манеры, его образование, его тихий голос. А тень... тень была бездонной. В ней тонули люди, ломались судьбы, исчезали целые семьи, чьи имена потом вычеркивали из Золотой книги.

Ее взгляд метнулся по кабинету, и теперь она видела все иначе. Картина с Иудифью и Олоферном больше не казалась ей аллегорией. Она стала инструкцией, хроникой. Коллекция оружия на стене, которую она прежде принимала за дань моде, теперь выглядела зловеще. Среди фамильных рапир и мечей висел тонкий, изящный стилет без гарды – оружие наемных убийц, которым наносили один, точный и бесшумный удар под ребра. Рядом с ним – арбалет, не охотничий, а укороченный, для стрельбы из окна кареты или с борта гондолы. Это были инструменты его ремесла, такого же, как у нее, только вместо пигментов он использовал чужие жизни, а вместо холста – карту Венеции.

Ее охватила паника. Нужно уходить. Бежать отсюда, из этого дворца-мавзолея, из этого города-ловушки. Забыть про заказ, про деньги, про Лоренцо и его долги. Никакая свобода творить не стоила того, чтобы находиться рядом с таким человеком. Она бросилась к своему ящику с красками, желая лишь одного – собрать свои вещи и исчезнуть.

И в этот момент из-за приоткрытой двери, ведущей в коридор, донеслись приглушенные голоса. Она замерла, прижавшись к стене за тяжелой портьерой. Говорили двое, видимо, слуги, проходившие мимо. Их голоса были тихими, полными страха и подобострастия.

– ...опять вызвали. Срочно. Гонец от самого дожа, – говорил один, помоложе.

– Тише ты, дурак! – шикнул на него второй, постарше и, видимо, опытнее. – У стен уши. Не от дожа. От «Тройки». Дело сенатора Мочениго. Говорят, до рассвета не доживет.

– Тот самый, что на прошлой неделе с нашим хозяином в Сенате спорил? – в голосе молодого прозвучал суеверный ужас.

– Вот потому и спорил в последний раз. А ты язык за зубами держи, если не хочешь рыб в канале кормить. Хозяин не любит, когда его дела обсуждают. Даже шепотом. Пошли, пока нас не заметили.

Шаги удалились. Тишина вернулась, но теперь она была оглушающей. Мочениго. Фамилия из списка. Фамилия с красной точкой напротив.

Алессия сползла по стене, прижимая руки ко рту, чтобы не закричать. Это было слишком. Слишком реально, слишком близко. Ее влечение к нему, то трепетное, пьянящее чувство, что расцветало в ней во время их сеансов, теперь казалось ей отвратительным, как цветок, выросший на могиле. Она вспомнила его прикосновение, когда он просил поправить воротник. Его горячая кожа под ее пальцами. Она касалась руки, которая подписывает смертные приговоры. Она смотрела в глаза, которые безразлично решают, кому жить, а кому умереть.

Что она должна делать? Что? Бежать? Но куда? Они найдут ее. Люди, подобные Веньеру, не прощают тех, кто знает их тайны. А она теперь знала. Отказаться от заказа? Это вызовет подозрения. Он сразу поймет, что она что-то видела, что-то поняла. И тогда... тогда она сама окажется в списке, с черной точкой напротив своей фамилии. Фамилии Беллини. Ловушка захлопнулась.

Она заставила себя встать. Ноги были ватными. Руки дрожали так, что она не могла удержать палитру. Она подошла к мольберту, к его лицу на холсте. Теперь она видела его по-другому. Она видела холод в глубине зрачков, жестокость в изгибе губ, тяжесть власти, сминаящую черты. Ее гениальность, ее проклятый дар видеть суть вещей, теперь обернулся против нее. Как она сможет и дальше писать его, зная, кто он? Как сможет смешивать краски, чтобы передать оттенок его кожи, не думая о крови сенатора Мочениго? Как сможет ловить свет в его глазах, не вспоминая о тьме в его душе?

И в этот момент дверь открылась.

Он вошел так же тихо, как и вышел. Она даже не услышала его шагов. Просто подняла глаза и увидела его, стоящего на пороге. Он выглядел так же, как и всегда. Спокойный, собранный, непроницаемый. Лишь на манжете его белоснежной рубашки она заметила крошечное, почти невидимое темное пятнышко. Похожее на брызги чернил. Или не чернил.

Алессия замерла с кистью в руке. Она была уверена, что на ее лице написан весь ужас, который она пережила. Что он сейчас подойдет, посмотрит ей в глаза и все поймет.

Он медленно прошел по комнате и остановился за ее спиной, глядя на холст. Она чувствовала его дыхание у себя на затылке. Секунды растянулись в вечность.

– Вы хорошо поработали, пока меня не было, – сказал он наконец. Его голос снова стал спокойным, почти мягким. – Тень под скулой... Вы сделали ее глубже. Это правильно. Именно так я себя и чувствую. Словно из меня выкачали часть света.

Он обошел мольберт и встал напротив нее. Его серые глаза внимательно изучали ее лицо.

– А вот вы, маэстро, выглядите неважно. Вы бледны. Вино, которое я велел принести, вам не по вкусу?

Она покачала головой, не в силах вымолвить ни слова.

– Нет? – он чуть склонил голову набок, и в его взгляде появилось то самое опасное, изучающее выражение, от которого у нее леденела кровь. – Тогда, быть может, вас напугали тени в этой комнате? Они здесь бывают длинными и темными. Иногда в них можно увидеть призраков прошлого.

Он говорил спокойно, почти сочувственно, но Алессия поняла – это допрос. Он проверяет ее. Он почувствовал перемену в ней, в атмосфере комнаты. Он был хищником, который уловил запах страха.

Ей нужно было что-то сказать. Что угодно. Любая ложь, которая спасет ее. Она сделала глубокий вдох, молясь, чтобы голос не дрогнул.

– Простите, синьор, – сказала она, глядя на свою палитру, на месиво красок, которое казалось ей сейчас отражением ее собственных смутения и ужаса. – Просто... свет изменился. Я пыталась уловить новый оттенок, но... он ускользает. Я слишком увлеклась работой. Усталость.

Она подняла на него глаза, вложив в свой взгляд всю актерскую игру, на которую была способна. Взгляд усталого, увлеченного своим делом художника.

Марко смотрел на нее долго, не мигая. Его лицо было непроницаемо. Ей казалось, он слышит, как бешено колотится ее сердце, как шумит кровь в ушах.

А потом он улыбнулся. Той самой своей едва заметной улыбкой, от которой по ее коже бежали мурашки. Но теперь она знала цену этой улыбке.

– Усталость, – повторил он медленно. – Да, конечно. Искусство требует полной отдачи. Иногда оно выпивает до дна. Что ж, на сегодня, пожалуй, хватит. Я и сам утомлен. Продолжим послезавтра.

Он развернулся и пошел к своему креслу. Сел, откинулся на спинку и прикрыл глаза. Сеанс окончен. Она была свободна.

Алессия молча, торопливыми, но выверенными движениями начала чистить кисти и закрывать краски. Ее руки действовали на автомате, пока разум лихорадочно работал. Она выжила. На этот раз. Но она больше не была просто художником, выполняющим заказ. Она стала свидетелем. А в Венеции свидетели долго не жили.

Она собрала свои вещи, поклонилась неподвижной фигуре в кресле и вышла из кабинета. В длинных, сумрачных коридорах Палаццо Веньер ей казалось, что портреты предков смотрят на нее с осуждением и насмешкой. Они знали. Они всегда все знали.

Когда гондола отчалила от пристани, Алессия не оглянулась. Она смотрела на темную, маслянистую воду канала, в которой отражался свинцовый закат. Венеция предстала перед ней в своем истинном свете. Не город карнавалов и серенад, а лабиринт, где за каждым углом ждет опасность, а под каждой маской скрывается либо жертва, либо палач. И она, Алессия Беллини, по своей воле вошла в этот лабиринт, ведомая гордыней и талантом. Теперь ее палитра навсегда изменилась. К теплым охрам, нежным карминам и небесному ультрамарину добавились новые цвета. Цвет страха, холодный, как сталь стилета. Цвет лжи, вязкий, как ил на дне канала. И цвет смерти, черный, как вода под Мостом Вздохов в безлунную ночь. И именно этими цветами ей предстояло закончить свой главный шедевр. Портрет чудовища, которое ее так неодолимо влекло.

Брат и его цена

Мастерская больше не была убежищем. Она стала клеткой, где эхо шагов Марко Веньера застревало в углах, смешиваясь с запахом льняного масла и скипидара. Алессия стояла перед огромным холстом, на котором угольными штрихами уже проступил призрак ее заказчика. Она пыталась работать, заставить пальцы слушаться, но кисть в руке казалась чужой, тяжелой. Каждый раз, когда она смешивала на палитре краски, чтобы найти оттенок его кожи – сложную смесь охры, сиены и капли кармина, – перед ее внутренним взором вставала не его аристократическая маска, а биение жилки на его шее, тепло его тела, которое она ощутила кончиками пальцев. То мимолетное, обжигающее прикосновение разрушило в ней что-то важное, пробило брешь в броне, которую она выстраивала годами. Теперь холод сквозил через эту брешь, и этот холод был страхом.

Страх был многослойным, как живопись старых мастеров. Нижний слой, темный и плотный, как болюсный грунт, – это была память о карте на его столе, о письме с печатью Совета Десяти. Он был не просто патрицием. Он был властью, той самой безликой, всевидящей властью, что держала Венецию в кулаке, перемалывая судьбы тех, кто стоял на ее пути. Он был одним из пауков в центре паутины, а она, Алессия, была всего лишь мухой, запутавшейся в липких нитях его заказа. Верхний слой страха был иным, прозрачным и мерцающим, как финальный слой лака. Это был страх перед ним как перед мужчиной. Страх перед тем, как ее тело откликнулось на его близость, предав ее разум. Она, художница, привыкшая изучать, анализировать и властвовать над своими моделями, сама превратилась в объект изучения. И его пронзительный взгляд видел слишком много. Он видел трещины в ее обмане.

Она отложила кисть. Работа не шла. Образ на холсте смотрел на нее с насмешкой, его угольные глаза знали ее тайну. Она подошла к окну, выходившему в тесный, сырой дворик-колодец. Влажный воздух, тяжелый от запахов гниющего камня и готовящейся где-то рядом рыбы, не приносил облегчения. Венеция жила своей жизнью за стенами ее мастерской. Крики торговцев, плеск весел, далекий звон церковного колокола – все эти звуки казались ей теперь предвестниками беды. Ее мир, некогда ограниченный холстом и палитрой, расширился до пугающих размеров, включив в себя залы Дворца Дожей и темные каналы, где вершились тайные приговоры.

Дверь в мастерскую распахнулась без стука, с такой силой, что ударилась о стену. На пороге стоял Лоренцо. Или, вернее, то, что от него осталось. Его светлый поэтический облик был смят и испачкан. Обычно тщательно уложенные волосы были всклокочены, дорогой кружевной воротник порван, на скуле алел свежий кровоподтек, а глаза... В его глазах был тот животный, первобытный ужас, который Алессия видела однажды на лице человека, которого стражники тащили в свинцовые тюрьмы Пьомби.

«Алессия...» – выдохнул он, и его голос был хриплым шепотом. Он шагнул внутрь и рухнул на ближайший табурет, обхватив голову руками. Его плечи сотрясала мелкая дрожь.

Холод в груди Алессии сгустился, превратившись в ледяной ком. Она молча подошла к нему, взяла со стола кувшин с водой и налила в глиняную кружку. Его пальцы так дрожали, что он едва удержал ее, расплескав половину воды на пол. Он пил жадно, судорожно, словно умирал от жажды.

«Что случилось?» – ее голос прозвучал глухо и ровно. В такие моменты ее эмоции словно замерзали, уступая место ледяному спокойствию. Паника была роскошью, которую она не могла себе позволить.

Он поставил кружку, ее дно стукнуло о деревянный стол с оглушительным звуком. «Все кончено, сестра. Нам конец».

«Говори внятно, Лоренцо», – ее тон стал жестче. – «Кто это сделал?» – она кивнула на его лицо.

Он поднял на нее взгляд, и в его глазах, так похожих на ее собственные, плескалось отчаяние. «Это неважно. Это было... предупреждение. Алессия, я... я в беде. В ужасной беде».

Она ждала, скрестив руки на груди, давая ему собраться с мыслями. Она уже знала, что услышит. Вариации этой истории повторялись с пугающей регулярностью с тех пор, как к ней, к «маэстро Беллини», начали приходить настоящие деньги. Только масштаб бедствия менялся.

«Карты, – прошептал он, избегая ее взгляда. – Ридотто Сан-Моизе. Я думал, мне повезет. Я должен был отыграться...»

«Кому?» – ее вопрос был острым, как скальпель.

«Гаспаре Скарпия».

Имя упало в тишину мастерской, как камень в глубокий колодец. Алессия почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица. Гаспаре Скарпия. Его не называли ростовщиком. Это слово было слишком мелким для него. Он был коллекционером. Он коллекционировал долги, тайны и души людей, имевших неосторожность попасть в его сети. Его прозвище в темных переулках Риальто было Скорпион. Потому что его жало было смертельным.

«Сколько?» – выдохнула она.

Лоренцо сглотнул. Он выглядел как ребенок, готовый расплакаться. «Много, сестра. Очень много. Все, что ты мне давала... и еще сверх того. Пятьсот дукатов».

Пятьсот дукатов. Сумма была астрономической. Это были деньги, на которые можно было купить небольшой дом. Это было больше, чем аванс, который она получила от Марко Веньера. Она закрыла глаза. Перед ней качнулся мир. Ее тщательно выстроенная крепость, ее обман, ее будущее – все это рассыпалось в прах от одной брошенной ее братом карты.

«Он дал мне срок, – торопливо зашептал Лоренцо, словно боясь, что она сейчас закричит, ударит его. – До конца месяца. Если я не принесу деньги... он сказал... он сказал, что его люди очень любопытны. Они захотят узнать, откуда у нищего поэта такие связи. Как так вышло, что Лоренцо Беллини, которого все знали как бездельника, вдруг стал самым модным художником в Венеции, не умея даже правильно держать кисть. Он сказал, что задаст несколько вопросов в Гильдии Святого Луки. Он сказал... он сказал, что найдет способ получить свои деньги с твоего богатого покровителя. Он знает о Веньере, Алессия!»

Последние слова ударили ее наотмашь. Скарпия знал о Веньере. Это меняло все. Это превращало карточный долг ее брата-идиота в смертельную угрозу для нее самой. Шантаж. Разоблачение. Скандал, который затронет не только ее, но и одного из самых влиятельных людей Республики. И тогда реакция Марко Веньера будет страшнее мести любого ростовщика. Он не потерпит, чтобы его имя смешали с грязью. Он сотрет ее в порошок, ее и Лоренцо, и никто даже не вспомнит, что они когда-то существовали.

Она открыла глаза. Ледяное спокойствие вернулось, но теперь оно было другим – острым, как осколок стекла.

«Ты понимаешь, что ты наделал?» – она произнесла это тихо, почти без выражения, и от этого ее слова прозвучали еще страшнее. – «Ты поставил на кон не свои паршивые долги. Ты поставил наши жизни. Мою свободу. Все, ради чего я...» – она осеклась. Говорить о ее жертвах было бессмысленно. Он никогда не поймет. Для него ее работа, ее талант были лишь неиссякаемым источником золота для его удовольствий.

«Прости, Алессия, прости...» – забормотал он, пытаясь взять ее за руку. Она отдернула ее, как от огня. – «Я все исправлю, клянусь...»

«Как? – ее голос звенел от сдерживаемой ярости. – Напишешь сонет, который растопит каменное сердце Скарпия? Или снова пойдешь в игорный дом, чтобы отыграться?»

Он съезжился под ее взглядом. Вся его напускная бравада, его поэтические позы слетели, оставив лишь слабого, испуганного человека. «Я не знаю... Я думал, ты... ты что-нибудь придумаешь. Ты всегда придумываешь».

«Я», – горько усмехнулась она. – «Конечно. Всегда я».

Она отошла от него и начала мерить шагами мастерскую. Взад-вперед. Мимо мольберта с портретом Веньера, мимо стола с ее кистями, мимо сундука, где она хранила свои женские вещи, как преступник хранит улики. Мысли в ее голове метались, как стая обезумевших птиц. Пятьсот дукатов. Где их взять?

Аванс Веньера уже был почти потрачен – на новые холсты, дорогие пигменты, которые требовались для его заказа, на оплату счетов, которые Лоренцо так легкомысленно накапливал. Продать что-то? Все ценное, что осталось от отца, давно было продано. Попросить в долг у других заказчиков? Это вызовет подозрения. «Маэстро Беллини» был на пике успеха, у него не могло быть нужды в деньгах. Любой неверный шаг, любой слух мог разрушить его репутацию, а значит, и ее единственный источник дохода.

И тут, как ядовитая змея, в ее сознание вползла мысль. Самая очевидная и самая невозможная. Марко Веньер. Он сказал, что цена не имеет значения. Он бросил ей кошель с золотом как милостыню. Для него пятьсот дукатов – не деньги. Пыль. Она могла бы прийти к нему, придумать историю о внезапной нужде, о больной родне...

Она резко остановилась. Нет. Никогда. Просить у него помощи означало добровольно надеть на себя ошейник. Это превратило бы ее из талантливого мастера, с которым он считался, в жалкую просительницу. Это дало бы ему абсолютную власть над ней. Он и так был слишком близко к ее тайне. Стать его должницей означало отдать ему в руки ключ от последней двери,

за которой она прятала себя. Ее гордость, единственное, что у нее осталось, восстала против этой мысли. Она скорее пойдет чистить рыбу на рынок, чем унижится перед ним.

«Есть один выход», – произнесла она медленно, глядя в пустоту.

Лоренцо поднял голову, в его глазах блеснула надежда. «Какой?»

Она повернулась к нему. Ее лицо было бледным и решительным. «Ты исчезнешь. Уедешь из Венеции. Сегодня же. Поезжай в Падую, к тетке Марии. Сиди там и не высывайся, пока я не решу эту проблему».

«Но... как же ты?»

«Я – это не твоя забота, – отрезала она. – Твоя единственная забота сейчас – это убрать свое лицо с венецианских улиц, чтобы люди Скарпиа не наткнулись на тебя снова. Я скажу всем, что ты уехал поправлять здоровье на континент. Ты же поэт, тебе положены меланхолия и свежий воздух».

План рождался в ее голове на ходу, отточенный и холодный, как лезвие стилета. Отсутствие Лоренцо было риском. Он был ее «лицом», ее голосом в мужском мире. Но сейчас его присутствие было еще большим риском. Он был ходячей мишенью.

«А деньги?» – прошептал он.

«Я найду их».

«Как?»

«Это неважно. Просто знай, что если ты не уедешь, они найдут нас обоих. И тогда тебе не понадобится ни золото, ни стихи».

Она подошла к тайнику за старым гобеленом, достала небольшой кожаный кошель. Там было все, что у нее оставалось – несколько золотых и горсть серебра. Она высыпала все на стол. «Этого хватит на дорогу и на жизнь на первое время. Больше у меня нет. Иди. Собирай вещи. Только самое необходимое. И чтобы через час тебя здесь не было».

Он смотрел на монеты, потом на нее. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на стыд, но он быстро спрятал его. Он был слаб, но инстинкт самосохранения в нем был силен. Он молча сгреб деньги со стола, поднялся и, не глядя ей в глаза, пошел к выходу. Уже у самой двери он обернулся.

«Алессия... Спасибо. Я твой должник».

«Ты наш общий должник, Лоренцо, – тихо ответила она. – И цена этого долга может оказаться выше, чем мы можем заплатить».

Он ушел. Дверь за ним закрылась, на этот раз тихо, почти неслышно. Тишина, которая опустилась на мастерскую, была еще более гнетущей, чем раньше. Алессия осталась одна. Одна

со своим страхом, со своим отчаянием и с чужим долгом, который теперь стал ее смертельным приговором.

Она снова подошла к портрету. Лицо Марко Веньера, набросанное углем, смотрело на нее с холста. Властное, пронизательное, опасное. Он был частью проблемы. Он был ее самой большой угрозой и, возможно, ее единственным, но запретным спасением. Она смотрела в его нарисованные глаза и чувствовала, как ее разрывает на части. Ее мир, ее хрупкая конструкция из лжи и таланта, трещала по швам. Она была художником, который всю жизнь учился управлять светом и тенью на холсте, но теперь ее собственная жизнь погружалась во мрак, из которого, казалось, не было выхода.

Но она не была бы дочерью своего отца, если бы сдалась. Отчаяние прошло, оставив после себя холодную, ясную ярость. Ярость на брата, на мир, который заставлял ее прятаться, на саму себя за ту минутную слабость в кабинете Веньера. Эта ярость была топливом. Она заставляла кровь бежать быстрее, а мозг работать четче.

Пятьсот дукатов. До конца месяца. Это чуть больше двух недель.

Она подошла к столу, где были свалены старые заказы и эскизы. Она начала перебирать их, ее пальцы летали над бумагами. Она должна была найти способ. Должен был быть кто-то... кто-то, кто готов был заплатить много и быстро. Кто-то, кому был нужен портрет не для вечности, а для сиюминутного тщеславия. Кто-то, кто не будет задавать лишних вопросов.

Ее пальцы наткнулись на визитную карточку из плотного картона с тисненым гербом. Она давно отложила ее, считая заказ слишком вульгарным, недостойным кисти «маэстро Беллини». Антонио Гримани. Нувориш, торговец шелком, известный своим бахвальством и любовью к показной роскоши. Он хотел портрет в полный рост, в доспехах, на фоне фамильного герба, который он сам себе и выдумал. Она тогда отказала ему через Лоренцо, сославшись на занятость.

Теперь она смотрела на эту карточку по-другому. Это был не просто вульгарный заказ. Это был шанс. Гримани заплатит. Заплатит много, чтобы похвастаться, что его писал сам Беллини. Он заплатит вперед, если ему пообещать, что работа будет выполнена быстро. Это было унижительно. Это было предательством ее собственного таланта – разменивать его на то, чтобы рисовать павлина в доспехах. Но речь шла уже не об искусстве. Речь шла о выживании.

Она крепко сжала картон в руке. Края врезались в ладонь. Решение было принято. Она посмотрит в глаза Гаспаре Скарпия и бросит ему в лицо его деньги. Она выкупит их с Лоренцо жизни. Она снова станет хозяйкой своей судьбы.

Снаружи донесся крик гондольера. Вечер опускался на Венецию, зажигая в окнах домов первые огни, похожие на глаза ночных хищников. Алессия повернулась к портрету Веньера. Его темный, требовательный взгляд все так же сверлил ее из полумрака. Работа над его портретом была опасной игрой, поединком волею. Но теперь она поняла, что это была лишь прелюдия. Настоящая битва за ее жизнь, за ее тайну и за ее душу только начиналась. И вести ее придется на два фронта.

Неожиданный жест

Два дня превратились в свинцовый груз, который Алессия тащила на себе, как каторжник ядро. Сон стал роскошью, короткие тревожные провалы в темноту, из которых ее выдергивал один и тот же кошмар: лицо синьора Тьеполо, ростовщика, гладкое и бесстрастное, как у глиняной куклы, и его руки, ломающие пальцы Лоренцо, словно сухие ветки. Хруст костей был оглушительным, он преследовал ее даже наяву, смешиваясь со скрипом гондол и криками чаек. Угроза брата была не пустой бравадой. Она знала репутацию Тьеполо. Он не проливал кровь на улицах, его методы были тише и страшнее. Он забирал то, чем человек жил. У поэта он отбирал слова, ломая ему челюсть. У скрипача – музыку, калеча ему руки. У художника... у художника он отберет его дар. И не имело значения, чьи пальцы он ломает, Лоренцо или ее. Они были одним целым в глазах этого города. Маэстро Беллини станет калекой, и их обман, их единственное средство к существованию, рассыплется в прах.

Деньги сенатора Градениго испарились, как утренний туман. Часть ушла на самые неотложные долги, другая – на покупку редких пигментов для портрета Веньера, которые она не могла себе позволить раньше: настоящий ультрамарин из ляпис-лазури, а не дешевая синяя зола, кармин из кошенили, а не суррогат из сандалового дерева. Это было безумное расточительство в их положении, но она не могла иначе. Работа над этим портретом стала для нее наваждением, единственным смыслом посреди хаоса. Она должна была доказать себе, что она все еще художник, а не просто загнанный в угол должник.

Утром, в день сеанса, Лоренцо ворвался в мастерскую, бледный, с запахом дешевого вина и страха. Он принес записку от одного из прихвостней Тьеполо. Короткую, без угроз. Просто напоминание: «Закат завтрашнего дня». В этих трех словах было больше ужаса, чем в самом длинном проклятии. Закат завтрашнего дня был их сроком.

«Ты должна попросить у него еще аванс!» – шептал Лоренцо, заламывая руки. Его показная элегантность облезла, как позолота со старой рамы. «Скажи, что тебе нужны особые материалы, что угодно! Он богат, как Крез, он даже не заметит!»

«Он не дурак, Лоренцо, – отрезала Алессия, натягивая тугую повязку на грудь. Ткань впивалась в кожу, мешая дышать, и это физическое неудобство было почти облегчением на фоне душевных мук. – Он заметит все. Он видит трещины на лаке, которые еще не появились. Просить у него денег – это все равно что признаться в своей слабости. А слабых он ломает, как я ломаю уголь для рисунка».

«Тогда что нам делать?! Бежать?!» – в его голосе звенела истерика.

«Молчать, – сказала она, надевая мужскую рубашку. – И молиться, чтобы моя кисть сегодня была тверже моей воли».

Дорога в Палаццо Веньер показалась ей путем на эшафот. Венеция утратила свои краски. Вода в каналах была не изумрудной, а гнилостно-черной. Мрамор дворцов казался не розовым, а серым, как старые кости. Город давил на нее, его узкие улочки сжимались, как пальцы на ее горле. Она впервые шла к нему не со страхом разоблачения, а с отчаянной, унижительной

надеждой. Надеждой на деньги. Эта мысль жгла ее изнутри постыдным огнем. Она, художник, творец, шла на поклон к своему заказчику, как нищий к дверям церкви.

Когда она вошла в кабинет, он уже был там. Сидел в том же кресле, но не в той расслабленной позе натурщика, а прямо, как судья, положив руки на подлокотники. На нем был строгий черный камзол без единого украшения. В этом аскетичном наряде он выглядел еще более властным и опасным. Свет падал на него так, что половина лица была ярко освещена, а другая тонула в глубокой тени. Кьяроскуро во плоти.

«Маэстро, – его голос был ровным, безэмоциональным. – Вы опоздали на семь минут».

Алессия замерла. Сердце споткнулось и забилося чаще. Она никогда не опаздывала. Она всегда приходила на четверть часа раньше, чтобы подготовить палитру. Она бросила взгляд на большие напольные часы в углу. Он был прав. Семь минут ее жизни были украдены тревогой.

«Прошу прощения, ваша светлость. Утренний туман задержал гондолу», – солгала она, низко склоняя голову, чтобы скрыть вспыхнувший на щеках румянец. Ложь была ее броней, но сегодня в ней появились трещины.

Он ничего не ответил, лишь молча указал подбородком на мольберт. Приглашение к работе, звучавшее как приказ.

Алессия принялась за дело, двигаясь на автомате. Она сняла покрывало с холста, выдавила на палитру краски, смешала нужные оттенки. Ее руки, обычно такие послушные и точные, казались чужими. Пальцы были жесткими, непослушными. Кисть в них дрожала, едва заметно, но для нее эта дрожь была подобна землетрясению. Она взяла самую тонкую, из куньего волоса, чтобы прописать складку у его рта, и замерла. Она не могла. Не могла сосредоточиться. Перед глазами стояли не черты его лица, а слова из записки ростовщика: «Закат завтрашнего дня».

Она заставила себя сделать первый мазок. Линия получилась неуверенной, грязноватой. Она тут же счистила ее мастихином, оставив на холсте уродливый шрам. Внутри все похолодело. Этого никогда не случалось. Ее рука была продолжением ее глаза, ее воли. Сегодня она ей изменяла.

«Что-то не так с красками, маэстро?» – его голос прозвучал так близко, что она вздрогнула. Она не заметила, как он поднялся и подошел к ней. Он стоял за ее спиной, но она чувствовала его взгляд, прожигающий ее насквозь.

«Нет, синьор, – выдавила она, не оборачиваясь. – Просто... свет сегодня другой. Резкий. Он создает ненужные рефлексии». Еще одна ложь. Свет был идеальным. Мягким, рассеянным, именно таким, какой она любила.

Она снова попыталась нанести мазок, но рука не слушалась. Вместо тонкой, вибрирующей линии получился грубый, мертвый штрих. Проклятье. Она выругалась про себя, используя грубые слова портных грузчиков, которым научил ее отец.

«Позвольте», – сказал Марко.

Два его пальца, холодные и твердые, легли на ее запястье, там, где бился пульс. Он не схватил ее, не сжал. Его прикосновение было легким, почти невесомым, но оно парализовало ее. Ее сердце, до этого колотившееся, как обезумевшая птица, на миг замерло, а потом забилось ровно и гулко, отдаваясь в его пальцах. Она чувствовала, как ее дрожь передается ему, как он читает ее страх через кожу, через бешеный ритм ее крови.

«Дело не в свете, – сказал он тихо, почти на ухо. Его дыхание коснулось ее волос. – Дело в руке. Она не уверена. Художник, чья рука теряет уверенность, либо болен, либо лжет. Вы не кашляете, и лихорадки у вас нет. Значит, вы лжете. Мне. Себе. Холсту».

Он отпустил ее руку. Алессия отшатнулась, словно ее ударили. Воздух звенел. Ее маска, ее образ маэстро Беллини, рассыпался в пыль под его спокойным, безжалостным анализом. Он видел все. Он всегда все видел.

Она обернулась, готовая защищаться, спорить, лгать дальше, но слова застряли в горле. Он смотрел на нее не с гневом и не с подозрением. Во взгляде его серых глаз было нечто новое, чего она там никогда не видела. Странная смесь пронизательности и... участия? Нет, это было невозможно. Люди вроде него не знали участия. Они знали лишь выгоду и слабость.

«Ваш брат снова играл?» – спросил он так же тихо.

Вопрос был как удар кинжала под ребра. Точный, бесшумный, смертельный. Он знал. Откуда он мог знать? Неужели его шпионы следят и за ними? За каждым их шагом? Или это была просто догадка, гениальный выстрел вслепую, основанный на слухах, которые всегда окружали Лоренцо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.